

Елена Хить-Сапсай

ЭТО ИХ ВОЙНА

УДК 82-3
ББК 84-4
Х52

Хить-Сапсай Е.

Х52 Это их война / Елена Хить-Сапсай – М.: Литнет, 2025. – 188 с.

ISBN 978-5-521-93456-0

Они встретились слишком поздно. Настолько поздно, что уже ничего нельзя было изменить. Оставалось только смириться и жить дальше, делая вид, что их друг для друга не существует. Но любовь оказалась сильнее... Вопреки здравому смыслу, вопреки принципам, вопреки дозволенному – они переступили черту замкнутого круга и разожгли войну. Войну против всего мира, превращая любовь в пепел, унесенный ветром...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93456-0

© Литнет, 2025
© Е. Хить-Сапсай, 2025

{Любовь – это пепел, унесенный ветром...}

Глава 1

*{И пускай твоя обитель
Где-то в вышине.
Ты мой ангел, мой хранитель,
Помоги ты мне.
© Ксения Ангел «Папа»}*

{Элина}

Говорят, любви достойна только мама. Кто это придумал, наверное, никогда не был знаком с отцовской любовью. Никогда не знал, что такое отцовская забота, тепло и был обделен этим. В нашей семье все было наоборот. Я знала, видела и ощущала любовь отца во всех ее проявлениях: в его словах и поступках, именно он был – лучшим другом и советчиком, опорой и поддержкой во всех начинаниях. Был тем человеком, который однажды должен был взять руку единственной дочери, подвести ее к человеку, за которого она выходила замуж, и вложить ее руку в его крепкую мужскую ладонь. Это все, чего я по-настоящему всегда хотела – чтобы отец одобрил мой выбор и выдал замуж. Проводил во взрослую жизнь. Дал напутствия. Распустил мои крылья, пообещав всегда быть рядом, чтобы в случае чего я могла вернуться в отчий дом, сложить свои крылышки в его заботливые руки, выдохнуть и все начать сначала.

Мне было жизненно необходимо чувствовать его близость. Она придавала мне сил и уверенности в себе, давала надежду на то, что завтра будет лучше, чем вчера, делала меня целостной: казалось, без нее я разобьюсь, как волна об острые скалы, и больше никогда не соберусь воедино. Поэтому больше всего на свете я боялась,

что, однажды проснувшись, больше не услышу его тихий неторопливый голос, не увижу, как он затягивается сигаретой и выпускает в воздух небольшие кольца дыма: медленно с наслаждением, будто это самое большое удовольствие в жизни, которое хотелось растянуть, превращая секунды в минуты, а минуты в часы. В такие моменты, будучи еще ребенком, я любила стоять рядом с креслом, в котором сидел отец, и перебирать тонкими пальцами его упругие кудряшки. Я не отвлекала. Я просто любовалась им: вглядываясь в задумчивые черты лица, пыталась разглядеть в нем себя. Нам часто говорили, что мы похожи и я не упускала возможности лишний раз убедиться в этом. Те же тонкие твердо сомкнутые губы, тот же по особенному мягкий и внимательный взгляд, даже черные кудряшки, казалось, вились по одинаковому небрежно и задорно, делая нас похожими на ангелов. Единственным отличием между нами был цвет глаз: у него – карие, у меня мамины – изумрудные. Во всем остальном я была его маленькой копией. Папиной дочкой, любимицей, которую он не переставал баловать вниманием и заботой.

Тогда я даже представить не могла, что наступит день, когда я больше не услышу его добродушного смеха и не сожму в своих по-детски маленьких ладошках его крепкие шершавые руки, прижимая их к губам и впитывая, въевшийся под кожу, запах табака. Я упивалась каждой минутой, проведенной рядом с ним. И безумно тосковала, когда приходилось расставаться; молча ненавидя все, что нас разделяло: школу, работу, командировки. Со временем я поняла, что он не может быть рядом постоянно, но легче от этого не стало. Будь моя воля, я бы вечно лежала на его коленях, свернувшись котенком, и наслаждалась прикосновением теплых ладоней к своим волосам.

Кто-то скажет нельзя настолько сильно любить отца, а я отвечу: можно. Особенно, если с детства он был для тебя всем: отцом, другом, домом, миром и даже матерью, которая изо дня в день про-

жигала свою жизнь алкоголем и не уделяла тебе должного внимания. Ее зависимость лишила меня материнской любви, но именно благодаря отцу я не ощущала себя ущербным и недолюбленным ребенком. Наоборот, рядом с ним я чувствовала крылья за спиной и радовалась каждому дню, проведенному с ним.

Теперь, оглядываясь назад, я собираю память по крупицам: складываю пазлы в одну общую картинку и понимаю, что с каждой прожитой секундой она становится все более блеклой и размытой, но от того не менее живой и волнительной. Стираются лица, поступки, моменты, но как бы ни была хрупка человеческая память – самые бесценные эмоции, пережитые нами однажды, остаются с нами до конца. Мы прячем их глубоко в себе, на задворках души, и возвращаемся к ним лишь тогда, когда остаемся наедине с собой, потому что таким ни с кем не делятся, оно слишком личное, недостижимое, только твое.

– Дорогая, ты вся продрогла, поехали домой.

Мягкие ладони Павла легли на мои сутулившиеся плечи и тихо сдавили их. Не оборачиваясь, кладу левую ладонь поверх его правой руки и закрываю глаза. Как же его руки похожи на твои, папа. Такие же большие, крепкие, обветренные. Ему сорок пять и он почти твой ровесник. Знаешь, между вами так много общего. Характер, привычки, манера поведения – все в нем напоминает о тебе. Он даже любит меня, как ты: искренне, преданно, по-настоящему.

Открываю глаза, и кажется, ощущаю кожей холод гранитного камня, на котором высечено имя. Твое имя, папа. Пять бесконечно долгих лет. Вот сколько мне потребовалось, чтобы снова прийти в себя. Боль утраты притупилась, но она по-прежнему сильна и непобедима. Она со мной, во мне, и отрезвляет каждый раз, когда кажется, что все это просто сон, что сейчас открою глаза, а ты

по-прежнему сидишь, раскинувшись, в нашем стареньком кресле и читаешь поверх очков принесенную с утра почтальоном газету. Приводит в чувство и не дает забыться. Она будто кричит во мне: как раньше уже не будет, но будет по-другому. Нельзя жить прошлым. Нужно идти вперед, навстречу будущему. И я иду. Честно, пап, я стараюсь. Ведь я сильная, как ты того хотел.

– Подожди, Паш. Дай мне еще минутку.

И он дает. Тихо отходит в сторону и застывает безмолвным свидетелем. Я благодарна ему за понимание и поддержку, а судьбе за встречу с ним. Именно благодаря ему я сейчас здесь, пап. Немного потрепанная, уставшая, но выжившая и несломленная. Он заново распустил мои крылья, которые казалось, больше никогда не поднимут меня над землей, подарил мне чувство надежности и защищенности. Рядом с ним спокойно и уютно, как возле тихо пылающего камина.

Порой я задаюсь вопросом, достойна ли такого человека? И ответ приходит сам собой: я делаю его счастливее. Когда он смотрит на меня, в его глазах плещутся живые огоньки, он улыбается и морщинки, коснувшиеся его лица, разглаживаются, делая его лицо молодым и беззаботным. Он говорит, с моим приходом его жизнь изменилась. Изменился и он сам: теперь в его душе – весна, а в сердце – солнце. Я верю ему, пап. Верю так же, как всегда верила тебе. Он достойный человек. И такой же одинокий, как я. Наверное, правду говорят: судьба – не дура, зря людей сводить не станет. И наша встреча – не исключение. Он вошел в мою жизнь, когда руки совсем опустились, когда каждый вдох был на грани срыва, и казалось – это конец. Вошел ненавязчиво, шепотом и вдохнул в меня новую жизнь. Мы, как два одиночества, встретившиеся в час тихого отчаяния, когда оба нуждались в поддержке и утешении. Я потеряла тебя, он – жену, мать своего сына и эти потери пересекли наши пути в точке под названием «любовь». Уже в первые

минуты знакомства мне было настолько уютно и комфортно рядом с ним, что казалось, мы знаем друг друга всю жизнь. Я люблю его, пап. И эта любовь делает меня сильнее.

Вот и сейчас он стоит поодаль от меня, но я всеми фибрами души чувствую неразрывную связь между нами, его поддержку, его плечо. Он рядом и я больше не одинока. Даже кресты и надгробные камни, окружающие нас, не пугают меня так, как это было раньше. Я не ощущаю прежней тревоги и страха. Наоборот, стоя рядом с твоей могилой, меня будто опускает – боль никуда не делась, но печаль стала меньше. Я даже улыбаюсь, пап. Посмотри. Все, как ты меня учил...

{- Эль, малышка, улыбнись. Это всего лишь разбитая коленка. Уже не больно. До свадьбы заживет... – отец дует на смазанную зеленкой коленку и я уже не плачу. Я улыбаюсь ему сквозь слезы. Я верю каждому слову, сказанному им.}

Тогда действительно было не больно. Я плакала, потому что жалея себя и хотела, чтобы пожалел меня ты, а сейчас... Сейчас я бы многое отдала, чтобы эта боль была подобна той, но она не заживает, пап. И никогда не заживет.

{- Смотри, солнышко, я сделал это для тебя, – отец с мальчишеской улыбкой открывает передо мной маленькую самодельную коробку и кажется радуется своему подарку больше меня, – та-дам.

Внутри лежит деревянный ангелок – рождественское украшение, сделанное папиными руками. Я визжу от удовольствия и бросаюсь папе на шею:

– Спасибо, папочка. Он чудесный.

Отец прижимает меня к груди и тихо шепчет:

– Пусть мой скромняга оберегает тебя, крошка. Всегда будет рядом.}

Да, пап, я чувствую... Чувствую, что ты рядом. Мой Ангел-Хранитель, коснувшийся небес. Стоишь за спиной. Обнимаешь крыльями мои хрупкие плечи. И беззвучно вселяешь надежду на счастливое завтра...